

Вадим Захаров

Облако и три башни в Кёльне

или Предварительный сон к проекту "Витя в Кёльне".

Старик лег и уснул. Минут через десять, а, может, больше, он услышал стук в дверь и открыл глаза. Приподнявшись на локтях, он заметил, разложенные в строгом порядке предметы, о назначении которых он задумался. Стук продолжался, но уже не было уверенности откуда он. Сев на корточки, он начал ощупывать всё, что лежало вокруг босых ног. Попадались хлебные крошки, рассыпающиеся сразу в пыль, свалывшиеся комочки шерсти, твёрдые крупы неизвестных пород, с шумом уносившиеся в сторону от малейшего щелчка. Широко раскрытыми глазами он окинул комнату. Взгляд остановился на каминной решётке. Яркий огонь, разведённый неведомо кем и когда, бесцеремонно расплзся по комнате, залезая под стулья, карабкаясь по шкафам, пролезая сквозь редко расставленные книги к плохо сохранившимся обоям.

Старик стал медленно подниматься, одновременно как бы приподнимая спиной, стягивая к себе всё, что лежало вокруг. Прозрачная сеть натягивалась всё больше и больше. Ссутуленные плечи ощутили сильное давление. В этом полусогнутом, предельно натянутом положении старик замер. Замерли, странно вытянувшись в его сторону, как в точку схода некоего перспективного чертежа, находившиеся рядом кровать, икона, мальчик.

Где-то внизу зашевелились его пальцы, схватившие и бросившие что-то за каминный силуэт. Собственно ничего и не случилось. Стук продолжался. Повернув голову в направлении звука, старик увидел идущих ему навстречу улыбающихся людей...

Открытие в Кёльне, в один день, двух выставок – "Золотая тень" и "Типографическое Вознесение" – наводит на некоторые размышления, в первую очередь связанные с проектом "Витя в Кёльне", особенность которого – необязательность, второстепенность, вялотекущая неопределенность, наконец, просто, провальность. Эти милые сердцу особенности можно также охарактеризовать и как метод "многочисленных неудачных попыток" совместной работы между тремя художниками – Ануфриевым, Пепперштейном и Захаровым. "Неудачи" эти парадоксальны. Они стали неким облаком, образующимся в момент встреч и немедленно исчезающим, стоит лишь

немножко разойтись в стороны. Об этом облаке над тремя башнями и хотелось бы поговорить, начав с двух выставок в Кёльне.

Одна выставка проходила в галерее Инги Беккер, в старой тяжёлой римской башне, другая – в галерее Софии Унгерс в только что отремонтированном пятиэтажном, невероятно узком доме, напоминающем также башню, но сжатую, сдавленную соседними зданиями, как бы скрывающими неумелость конструкторского расчета (без столь тесной опеки "башня" повалилась бы наверняка набок). Одновременно возникает картина падающего проекта "Витя в Кёльне": летящее вниз в течении двух лет "тело Вити", вдруг, в последний момент подхваченное никем иным, как приехавшим из Америки в Кёльн самим ВИТЕЙ. Именно в этом ключе (как развязку, как разрезание ленточки на открытии) можно оценить появление в день открытия двух выставок В И Т И Скерсиса, которого мы с Пашей встретили рано утром, после удачного облачного сгущения. Приезд ВИТИ в смысле разрешения проблем был наглядно проиллюстрирован на Кёльнском Хауптбанхофе. Ожидая его (с 7.00 утра), мы наблюдали, как из главных дверей вокзала неожиданно стали выходить девушки в медвежьих шкурах, старики с лисьими хвостами, явно подвыпившие немецкие парни в птичьих перьях на плечах, дети во фраках с закрученными усами. Ожидание продолжалось около часа и около часа шли ряженные, кривые, подпрыгивающие группы и одинокие сверхсерьёзные раскрашенные идиоты. Эта ВИТИНА СВИТА, предварившая его появление, заставила нас застыть в изумлении, а уже затем согнуться пополам в истерическом беззвучном хохоте – смехе свершившегося. В этот наивысший момент появился ВИТЯ – взрослый, величественный, спокойный, явно подчёркивающий этой уравновешенностью заблаговременно срежиссированный им гениальный абсурд.

Люди остановились. Застыл в одной точке и взгляд старика. Неожиданно он ощутил себя в саду, на станции "Фабричная" разбрызгивающим из шланга водяную пыль по любимым ягодным кустам. Вчера, вот также задумавшись о чём-то, он случайно вырвал с корнем недавно посаженные ирисы. Он вдруг вспомнил, как почти что пятьдесят три года назад в городе Горьком, в рабочем районе Сормово, где жила их семья, он наблюдал за пожарником, забравшимся на их балкон и пытавшимся подключить воду к громадному, еле уместающемуся в руках шлангу. Он, что-то кричал, наклонившись вниз, ругался, стучал носком сапога по пластмассовой обшивке балкона, но вода так и не появилась. Давление было слабым.

Потоками воды заливало подвалы соседних девятиэтажных домов, как будто в этот день было сосоревнование по очищению Авгиевых конюшен; но наверх вода не поступала. Тем временем в квартире этажом выше разгорался пожар...

Старик, снова, как тогда, услышал где-то наверху, детский плач. Лопнули стёкла с мелодичным звуком, – бим-бом-бим-бам, и медленно ссыпались на алюминиевые подоконники. Сквозь щели в потолке начали пробиваться облака оседающего дыма...

Старик закрыл глаза, но тут же их открыл и в раздражении мотнул головой: "К чему эти глупые воспоминания." Он заставил себя представить, как твёрдой рукой он поднёс зажжённую спичку к седому виску: "Всё сожгу, всё ..." Он не успел додумать как почувствовал холодный мокрый удар в голову. Старик обернулся и тут же захлёбываясь отбросил в сторону прыгающий шланг. От еды он отказался, а сразу направился в свою комнату и начал снимать замоченную одежду. Он растёрся вынутым из шкафа баннным халатом и голым забрался в постель, замотав голову красным шарфом, кем-то связанным и кем-то когда-то подаренным. Люди продолжали стоять, как бы внимательно следя за неровным течением его мыслей. Старик неожиданно для себя затрясся в беззвучном смехе.

Первое впечатление не всегда обманчиво. В римской башне – это впечатление "забытой в попыхах шляпы, книги, пластмассовой куклы, потерявшей и туфельки, и шифоновое платье, и бусинки от стеклянного ожерелья. Обнаженность эта также близка нагому телу сорокалетнего, никогда не следившего за своим здоровьем аристократа, уже подвыпившего с утра, вышедшего в переднюю без одежды и без всякой определённой цели. Он не умыт, не брит, волосы мокры ночными сновидениями. Скрюченная спина на полусогнутых ногах, покрытая гусиной кожей. Что может быть непривлекательней этой фигуры? Что может вызвать более стыдливое впечатление? Что же это за фокус с переодеваниями, представленный нам с таким "подчёркнутым неумением"? В чём секрет Пашиных звонков-отчаяний: "золотая тень не ложится на пол, не знаю, что делать". Почему эта тень, так наплевательски, и осталась грязным бронзовым пятном на полу кёльнской галереи Инги Беккер? Почему инсталляция во второй башне вызывала безудержную эйфорию? Почему башня номер три на Глеуелер штрассе 22 оказалась башней устойчивых состояний, изначально хранящая в себе эйкуменическую интенцию соединения Ортодоксального и Протестански-

пасторского, эмоционально-шизофренического и интеллектуально-холодного, точечно-сжатого и пространственно разнесённого.

Сравнивая эти выставки, приходишь к мысли об одной срежиссированной постановке, о едином дирижёрском пульте, о единой перспективной точке схода. Действительно, маршрут посещения начинался в первой башне, а заканчивался на чердаке второй. Неразбитая ”аптечно-лютеровская“ чернильница, подвешанная в римской башне, долетела до немецкого доходного дома (галереи Софии) и грохнулась, разлетелась в дребезги, оставив на полу ”гоголевское пятно“ – пасторское издание ”Приложение ко второму тому ’Мёртвых душ‘, ...“ Именно из этого пятна и вылезли, выскочили видения пастора, важно, бесцеремонно рассевшись здесь рядком в облачном, свободном пространстве. Кстати, единственный, кто соединил сразу эти две выставки, а затем механически притянул ”видения“ первого этажа к пустой пасторской келье на пятом, был Боря Гройс, начавший осмотр второй башни именно с верха, первоначально пропустив три средних уровня, три промежуточных инсталляции, видимо, решив сразу прервать начатую у Беккер прогулку, поставить естественную точку в конце начатого высказывания, отбросив дееспричастные обороты. Этот блицмаршрут ещё более сократил расстояние, превратив две башни в одну. Также можно сказать, что Боря поставил пятно, кляксу на бумаге, покрыв этим и похмельного аристократа и пресного Пастора. Маятник качнулся, чернильница разбилась. Образовалась триада – облако-тень-пятно.

Увидев нечто ужасное, Лютер немедленно бросает чернильницу. Гоголь – бросает в камин второй том ”Мёртвых душ“. Лютер действует энергично, волево, бесстрашно – враг испуган и навечно покрыт несмываемым пятном. Гоголь – колеблясь, эмоционально-неуверенно, боязливо. Нечто, увиденное им, страшит и одновременно желанно. Он ничего не бросает. Он отдаёт.

Лютер делает вывод – Небо силою берётся. Прямо здесь, сейчас....

У Гоголя ”здесь” – это только кошмар, собачья переписка, убежавший Нос.

P.S. Сегодня первое января 1995 года. Вчера 31 декабря 1994 года - день поздравлений и характерных телепатических звонков. (Сережа позвонил во время чтения текста ”Золотая тень“, который мне передала Наташа Гройс накануне.) Первый снег и утренняя тишина. (Не забыть захватить в Москву Машины и Серёжины зимние ботинки)